

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА БЕЛОВОДОВА¹**Пять глав из романа "Эпизоды из жизни Райского" И. А. Гончарова***("Современник" No 2, февраль 1860 г.)*

Источник: Гончаров И. А. в русской критике: Сборник статей / Вступ. ст. М. Я. Полякова; Примеч. С. А. Трубникова. -- М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. -- С. 184--195.
Оригинал здесь: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/gvk/gvk-184-.htm>.

Любит вздремнуть русский народ. Всякий чисто русский, неонемечившийся человек непременно спит три раза в день, и спит, как истинный любитель, с наслаждением. Встанет, тянется, зевает и наслаждается этим полусном. Наш народ и для черта за все его преступления придумал только то наказание, что он не может заснуть, несмотря на все усилия; следовательно, он считает подобное состояние самым мучительным, он не знает наказания хуже этого. В числе мифов других народов есть очарованный сон, и русская фантазия породила целое сонное царство. Такое уважение и любовь ко сну происходят от неспособности физических и нравственных сил к продолжительному напряжению. Русский народ любит дать отдохнуть своим богатырским силам; продолжительная, а тем более постоянная напряженность чувств, ума, воли, силы физической для него непонятна, точно так же, как непонятно для какого-нибудь немца отсутствие этой напряженности. Да и вся-то святая Русь долго-долго была сонным царством... Следовательно, это состояние ненапряженных сил не только понятно русскому, но и близко ему; оно есть что-то родное, русское. Тем не менее человека, спящего всю жизнь, всю жизнь не напрягающего своих сил, нам трудно себе представить. Даже и в сказках наших сонное царство просыпалось при звуках гуслей-самогудов. Г. Гончаров вводит нас в настоящее сонное царство. В самом деле, бодрствуют ли Обломов и Софья Николаевна Беловодова? Нет, они спят сном крепким, непробудным, сном очарованным. {185}

Их погрузил в этот сон злой волшебник. Обломов и Софья Николаевна спят, но спят не одинаково. Обломов по временам всхрапывает, бредит -- ему снятся и приятные для него предметы, подчас является и кошмар в виде письма от старосты; а Софья Николаевна спит сладким, тихим сном, без бреда и кошмаров. Ее ничто не тревожит. Дышится ей легко и свободно, заботливые руки отгоняют от нее насекомых, навевают на нее прохладу, ее охраняют от малейшего шума, который мог бы прекратить этот сладкий сон, напевают убаюкивающую песню. И она спит; только иной раз махнет она машинально, спросонья рукой, чтобы отогнать докучного комара Райского, который пищит ей под самым ухом то так жалобно, то так грозно, а она и не возьмет вдомек, чего надо этому комару, зачем с таким упрямством он хочет потревожить ее мирный сон.

Долго спали Обломов и Софья Николаевна спокойно; наконец, сон их был не нарушен, но несколько обеспокоен -- явились гусли-самогуды: это Ольга и Штольц для Обломова и Райский для Беловодовой. Борьба этих элементов спящего и будящего составляет основу этих рассказов. Весьма интересно было бы сравнить характеры Ольги и Беловодовой, как представительниц этих противоположных начал, но пределы этой статьи не позволяют сделать этого.

Ольга, Штольц, Райский не более как гусли-самогуды. Они будят Обломова и Софью Николаевну не из любви, не из дружбы, не из желания им добра, а просто из лихорадочной жажды деятельности; деятельность есть для них потребность. Это люди с силами напряженными до высшей степени; это антирусские типы в этом отношении.

В самом деле, Ольга не любит Обломова, она не любит этого морально и физически залежавшегося человека; она любит только того Обломова, которого она надеется сотворить своими собственными силами, или лучше сказать -- она любит свои планы относительно его возрождения, любит на них и в них, как в зеркале, любит на самое себя. Она полюбила бы, может быть, Обломова, если бы ей удалось его переработать. Но Обломов не мог перестать быть Обломовым, а потому Ольга не только не любила, но и не могла его никогда любить. Оттого личность Ольги как-то неопределенна, непонятна. Мы не понимаем этой лихорадочной деятельности, порожденной самолюбием и подавляющей все остальные чувства в женщине. Таковы же и {186} чувства Райского к Беловодовой. Не любовь к ближнему вообще, не любовь к Софье Николаевне в особенности, не дружба руководит им, а та же